

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2305

(2105)

Александр Лепешенко

БОРИС ГРИГОРЬЕВ
РУССКИЙ И НИЧЕЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2026

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ МАТЕРИ

*Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.*

Арсений Тарковский. Вещи

*О, если бы я знал, где найти Его, и мог подой-
ти к престолу Его! Я изложил бы пред Ним дело
моё и уста мои наполнил бы оправданиями; узнал
бы слова, какими Он ответит мне, и понял бы,
что Он скажет мне. Неужели Он в полном мо-
гуществе стал бы состязаться со мною? О нет!
Пусть Он только обратил бы внимание на меня.*

Книга Иова. Глава XXIII, стих 3—6

*Это было только «жалкое» слово...
Ну... жалкие слова надо прощать, непременно.
Жалкие слова тешат душу... без них горе было бы
слишком тяжело у людей.*

Федор Достоевский. Братья Карамазовы

Предисловие

МАРТИРОЛОГ БОРИСА-МУЧЕНИКА

Настоящая книга — не беллетризованная биография. Это оригинальное художественное повествование о Борисе Дмитриевиче Григорьеве (1886—1939), человеке и художнике, «о котором вот уже сто лет на всех континентах и многих языках говорят только в превосходной степени». Это повествование развёртывается в форме мартиролога, который ведёт герой, то есть сам Григорьев, перед смертью. Используя обширный документальный материал, в том числе письма и эссе художника, свидетельства друзей и воспоминателей, а также изыскания современных исследователей его творчества, автор не стремится мистифицировать читателя, не пытается выдать написанное за подлинный мартиролог художника. Для него это лишь приём, дающий возможность изнутри показать прекрасную и трагическую судьбу Б. Д. Григорьева, реальную обстановку, окружавшую его, характерные черты его личности.

Для более полного воссоздания образа художника в книгу включены отрывки прозаических и поэтических произведений Григорьева.

Каково же место Бориса Григорьева в мировой живописи? Кто он: традиционный художник или «самый смелый новатор»? Писатель Евгений Замятин — его близкий друг — в «Лекциях по технике художественной прозы» ответил на этот вопрос так: «Живопись: сравните тщательную выписанность всех деталей у академистов, у передвижников — зализанность — и новую живопись. Гоген: одни контуры, незаконченность как будто. Те же самые вехи — и то же самое предоставление зрителю своим творческим воображением восполнить недостающее между вехами. Рисунки Бориса Григорьева, Матисса, Глеза, Сюрважа».

Имя Бориса Григорьева в барабанной музыке иноземных имён звучит странно, но отнюдь не случайно. Замя-

тин — отдадим ему должное — точен в своих определениях. Ведь Григорьева почти сразу заметили художники «Мира искусства» и в 1913 году пригласили к участию в выставке. Критик В. Татаринов тогда писал: «Думали, будет новый Тулуз де Лотрек...» Всё дело в том, что молодой художник успел поработать в «Студии импрессионистов», познакомился с поэтами-футуристами, проездился по Европе и создал серию парижских рисунков. Впрочем, сам же В. Татаринов, размышляя о природе творчества Бориса Григорьева, и заключил: «...совершался поворот от ночных кафе Монмартра — вглубь русской деревни. Прыжок дерзкий, огромный, почти космического масштаба...» И — да, «получился глубокий русский художник, может, более русский, чем многие и многие».

В 1918 году вышел григорьевский цикл «Расея». «Свой грандиозный труд, — напишет впоследствии журналист Дмитрий Витов, — начатый ещё до революции, художник назвал не “Россия”, не “Русь”, а вот так — по-деревенски. Его “Олонецкий дед”, “Старуха молочница”, “Степная Мадонна” — даже не портреты — типажи. Вместе с пейзажами и ранними рисунками позже они войдут в монументальное полотно “Лики России”. Оно написано уже в эмиграции: в 1919 году Григорьев с семьёй тайно пересёк на лодке Финский залив. Вот тогда искусствоведы и заговорили: в этих образах предчувствие русской трагедии». Сам Григорьев признавался: «Это я сам. “Расея” — это я».

Если бы не революция, Григорьев числился бы баловнем судьбы. Ещё при жизни он стал одним из самых дорогих и престижных художников. Запечатлел чуть ли не всю русскую интеллигенцию начала XX века: Шаляпина, Рериха, Рахманинова, Скрябина, Добужинского, Розанова, Клюева. Впрочем, это «не портреты, а роли, которые играют изображенные на картине люди». Максим Горький, например, кукловод. А Всеволод Мейерхольд — убивающий лучник и умирающий мим одновременно.

Исключительный рисовальщик, Григорьев жил и творил в Европе, Северной Америке, преподавал в Чили, пересекал Кордильеры. И потому его картины разбросаны по всему миру в национальных галереях и частных коллекциях. Что же определяло творческую индивидуальность Григорьева? Две черты: «одержимость линией» и «литературность». Эссе «Линия» стало чем-то вроде манифеста Бориса Григорьева как художника и писателя:

«Сдвиг, пропуск, ироническая гипербола делают линию мудрой. Линия самое минимальное средство в руках художника. Вот почему она требует и культуры глаза и изобразительной воли.

Линия есть ближайший и скорейший изобразительный способ в творчестве.

Стихотворная форма рождается в длительном средоточии. Искусство “глаза”, искусство видеть, обладая линией, через неё освобождается от формы немедленно. Её творческий процесс так краток, как самая молния в сознании глаза».

Тот же образ художник развивает в поэме «Расея»:

И линией премудрой
разрежу скуку глаз,
как молния, как утро,
она разбудит вас!

Линию жизни самого Григорьева лютовластно разрежет болезнь.

Умрёт он от рака желудка 7 февраля 1939 года. Это случится на его вилле в Кань-сюр-Мер, во Франции. Вдали от друзей. От Расеи. Бориса Дмитриевича Григорьева похоронят на местном кладбище.

Эпитафией на могильном камне могли бы послужить строки любимого им Велимира Хлебникова:

И я — последний живописец
Земли неслыханного страха.
Я каждый день жду выстрела в себя...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Я ВЕСЬ ВАШ, Я РУССКИЙ
И ЛЮБЛЮ РОССИЮ...»

6.XI.1938, Villa Borisella, Haut de Cagnes-sur-Mer

В лекарне Ниццы мне возвращена часть жизни.

Так что же: операция моя вышла ятской? Ничего ятского, то есть «на ять», больше нет. Для-ради меня нет. Живу плохо, дожидаясь худшего — неотвратимого, как судьба. Воспоминаниями растушёвываю образ Замятина. Уже полтора года — стеснение в сердце и стон в душе... По другу моему... Нехорошо его изъять из жизни Тот Единственный, Кто имеет на это право.

Учинит Он сие и со мною — Лета не успеет обмелеть!

«Всё это ужасно потрясает, ужасно, — как сказал слабеющим голосом несчастный Митя Карамазов, — не барабанная же шкура человек...»

Болезнь — ныне ледащая спутница моя — приходит и водит пером. Пока ещё можно что-то рассчитать, обдумать и решить, буду утишать боль и записывать «жалкие» слова в мартиролог — такую «Книгу страданий».

Я расскажу о страданиях моих. Зачем? А затем, что жизнь — пусть и часть её — не должна идти во власти неведомых, неуправляемых сил, не должна отдаваться фатуму и стремиться лишь к посильному осмыслению. Впрочем, собеседовать я мог бы с одним человеком — с Замятиным. Только теперь он — бывший живой. Он застыл в покое и благе. А ведь вместе с кровью и теплом Замятин обладал удивительным даром — «чужое вмиг почувствовать своим».

Как, собственно, и Гоголь!

О, сколько мы с Евгением Ивановичем переговорили о Гоголе, сколько передумали! Кажется, только очутившись на чужбине, мы по-настоящему и постигли Гоголя? Эти «горестные заметы» его:

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для проведения большого и стройного труда.

Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно переходит в сатиру.

...Мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование и что именно для службы моей отчизне я должен буду воспитаться где-то вдали от неё.

...Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпиться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от неё».

О, мы заплатили баснословную цену за это знание и за эту любовь!

Евгений Иванович уж точно рассчитался сполна, а вот я... я, видимо, ещё не натерпелся и — должен.

Я отвержен моей Родиной.

Я — мизерабль, как у Гюго.

Когда же началось моё бедство? Когда я поступил в Агасферы? Год помню твёрдо — 1919-й. В тот год, с женой и сыном, октябрьской темрявой я бежал в Финляндию. Да что там в Финляндию — в другую жизнь!

* * *

В половине октября 1919 года я, наконец, решился. Двигала мною боязнь за близких. Я должен был воссоединиться с ними. Мерещились — «бичи, темницы, топоры». А впрочем, уже арестовывали в Художественном театре. Душили трагедией! Я — вон из Москвы. А тем временем в нашем доме 29, на Широкой улице в Петрограде совершилось воистину изуверское убийство, от которого прыгнуло сердце.

Страх привёл нас в полное безгласие.

Безрадостными позднеосенними сумерками, оставив мастерскую и квартиру на Замятиных — Евгения Ивановича с супругой — и сговорившись с финном-лодочником, в страхе-трепете мы бежали... И вовсе ещё не думали, что не вернёмся! И вовсе ещё не глядели издали чужими глазами!

Как не стинули в заливе, не постигаю... Даже теперь замираю душою! А тогда, тогда... Волны валились на бедный челн. Бедный челн валился до света на небе. В глазах Кирилла и Елизаветы Георгиевны плавал страх, а я думал о матушке.

Дражайшая матушка моя, Клара Иоганновна, родилась на борту незнакомого вида океанского корабля, капитаном которого был её отец и мой дед — Иоганн фон Линдберг, чрезвычайно приглядной наружности рижанин, потомок шведского политического эмигранта и аньяльского заговорщика. Училась же она, будучи девицей, в весьма приличествующем ей англо-американском пансионате в Сан-Франциско. Там, в Сан-Франциско, Иоганн фон Линдберг, простившись с корабельным делом, служил русским консулом. Служил верой и правдой! Когда в 1865 году император облёк его властью вице-губернатора Аляски, семья водворилась в благословенном Ново-Архангельске — административном центре Русской Америки. Но уже следующий год для Линдбергов соделался «злослычным, злым, злым...» Глава семейства «нашёл безвременный конец», а его вдова, его две дочери и два сына были вынуждены возвратиться в Европу. И тогда дохнула буря — и корабль их потерпел крушение, и скарб их погиб... Им же — «малым сим» — спешествовал вожатый с крыльями...

Такое неповторяемо?

О, будьте благонадежны — повторяемо! И да, повторилось со мной, — сам ангел, обрившийся в финна-лодочника, щетинистого старика с невозмутимыми глазами, переправил меня и семью мою через залив. Коснулся хорошо крылом. И доплыли мы, окружённые синей ночной водой. И сошли на берег, на котором слоями лежала тяжёлая мгла. В ней и пропали очертания низкого берега, оставленного нами через несколько времени. Всё бы ничего, но с берегом этим пропала и Россия.

Впрочем, из сердца моего родина милая не пропадала никогда.

В обширных воспоминаниях о людях, участвовавших в моей жизни, я отыскал верное свидетельство того, что же предшествовало нашему исходу из России... Итак, к записям!

Семь человек, изображающих отдел изобразительных искусств, — это власть. Она печатает газету, выдаёт материалы, производит какие-то регистрации, покупает картины и назначает профессоров. Словом, карьерит! И ей, этой

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Б. Д. ГРИГОРЬЕВА

1886, 11 (23) июля — родился в Москве (вне брака). Дом, в котором Б. Григорьев увидел свет, принадлежал статской советнице Марии Васильевне Гиппиус и находился в Машковом переулке (современная улица Чаплыгина). Мать, Клара Иоганновна фон Линденберг, шведка по национальности, была гувернанткой в богатой и знатной семье в Санкт-Петербурге, отец, Дмитрий Васильевич Григорьев, — выходец из царскосельских мещан, служил бухгалтером в имперском банке. Впоследствии отец сумеет высоко подняться по общественной лестнице, занять руководящие посты в финансовом мире, заслуги его будут отмечены правительственным указом о присвоении звания потомственного почётного гражданина.

26 июля — младенец Борис крещён в церкви Харитона Исповедника.

1890 — Дмитрий Васильевич по договору признаёт Бориса сыном, и мальчик воспитывается в его семье.

1892 — семья переехала в Рыбинск, поселилась в двухэтажном каменном особняке близ пристани (ныне — Волжская набережная, 47/49). Позднее в воспоминаниях Борис Григорьев напишет, что детство его в этом волжском городе не было счастливым. Причиной тому — полурусско-полушведское происхождение и bastardство мальчика. Он едва мог найти себе место в благородном обществе. Видя это, родители дали ему домашнее образование.

1898, май — отец, Дмитрий Васильевич, занял пост управляющего Рыбинским отделением Волжско-Камского коммерческого банка.

1899 — Борис, как и два его брата, поступает в Московскую практическую академию коммерческих наук. Но в 1902 году живопись настолько вытесняет из его жизни всё остальное, что он оставляет академию и держит «труднейший экзамен» в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Клара Иоганновна противится обучению сына с «длинноволосыми мужиковатыми художниками».

1903 — проявив настойчивость, Григорьев подаёт прошение в Строгановское художественно-промышленное училище (наставники: профессор, выдающийся живописец-импрессионист Дмитрий Анфимович Щербиновский и художник-передвижник Абрам Ефимович Архипов). Больше никакой коммерции: только искусство! Учился Григорьев успешно, лето проводил в Рыбинске, рисуя пейзажи и сценки волжского быта. Его также увлекало стихосложение — произведения молодого человека принимали столичные журналы.

- 1906 — во время отдыха с семьёй в Судак Борис Григорьеву довелось пережить душевную трагедию: его возлюбленная, Екатерина Небрatenko, «чёрненькая Катюша», прекратила свой «жизненный дебют». Пулю, которая пронзила сердце девушки, Григорьев долго потом носил на цепочке часов, вставив в золотую оправу. После похорон молодой художник вернулся в Санкт-Петербург и с головой погрузился в работу.
- 1907 — за успехи в учёбе Борис Григорьев был награждён заграничной поездкой. Среди тех, кто отправился стажироваться в Мюнхен, была и выпускница Строгановского училища, дочь балтийского помещика Елизавета Георгиевна фон Браше (1883—1968), или, как её называли друзья, Элла (урождённая Элла Мария Антонина). В этом же году Борис и Елизавета вступили в брак. Молодожёны переехали в Санкт-Петербург. Продолжая обучение, Борис Григорьев определился вольнослушателем на живописное отделение Высшего художественного училища при Императорской академии художеств, где его преподавателями стали известный пейзажист, член Товарищества передвижных художественных выставок, академик Александр Александрович Киселёв и график, педагог, профессор Дмитрий Николаевич Кардовский. В числе соучеников и друзей Григорьева — А. Б. Лаховский, Н. Н. Сапунов, В. И. Шухаев, А. Е. Яковлев.
- 1909 — Борис Григорьев входит в возглавляемую художником и теоретиком авангарда Николаем Ивановичем Кульбиным студию импрессионистов «Треугольник» — объединение молодых художников, творчески близких к футуристам. Знакомится с В. В. Хлебниковым, Н. Н. Евреиновым и Д. Д. Бурлюком, а также многими художниками из «Мира искусства» и «Голубой розы». Иллюстрирует книгу своего нового друга Василия Каменского «Жизнь авиатора» (издание не осуществлено). В этом же году посещает родственников матери в Швеции, путешествует по Норвегии.
- 1910 — оформляет одиннадцатитомный этнографический сборник, посвящённый жизни и быту русского народа, который подготовил и издал купец первой гильдии Александр Евгеньевич Бурцев — коллекционер, библиофил, библиограф. Начал тесно сотрудничать с журналом «Сатирикон» (под псевдонимами Б. Г-р и Б. Козерог), а с 1914 года — и с журналом «Новый Сатирикон». Прекрасный рисовальщик, Григорьев неизменно демонстрировал характерную черту своего особенного стиля — линию как превалирующее начало формы.
- 1911 — Григорьевы предпринимают путешествие в Австрию.
- 1912 — Борис не оставляет и литературные увлечения: художественные и жизненные устремления он описал в романе

«Юные лучи», который вышел под псевдонимом «Борис Гри» и был посвящён его первой возлюбленной Екатерине Небрятенко. В этой книге кроме автобиографического образа молодого художника Георгия Бурева просматриваются и другие реальные персонажи, например Иван Бульжников, авиатор и автор книги «Шалаш», несомненно — Василий Каменский, чью первую книгу «Землянка» иллюстрировал Борис Григорьев. Впоследствии в знак настоящей и преданной дружбы, длившейся долгие годы, Каменский посвятил художнику и его жене стихотворения «На Камском пароходе» и «Пою».

1913 — Борис Григорьев с женой приехал во Францию. Жизнь и работа в Париже, обучение в частной Академии с обнаженной натурой де ла Гранд-Шомьер отразились в его рисунках, которые он создавал везде — в кафе, на улице, на занятиях. Острый колорит, ритмическая структура, эмоциональность и интуитивность были присущи каждой работе художника, а увлечение графикой Тулуза де Лотрека и Матисса добавило выразительности. Как писала впоследствии о Григорьеве его ученица, художница Ольга Бернацкая, он умел «одной лишь линией сковать образ и вырвать его из небытия». Штудии Григорьева вылились в графический цикл «Интимность». После показа этого цикла на выставке «Мир искусства» к художнику пришла известность. Однако критиковали Григорьева за него без стеснения. Художник Константин Сомов, который всё же признавал талант коллеги, довольно резко отозвался о нём: «...сволочной, глупый, дешёвый порнограф»; поэт и художественный критик С. К. Маковский в свою очередь так характеризовал Григорьева: «...парадоксальный русак, возросший на парижских бульварах, влюблённый в Монмартр, в большие прихоти города и в его уличных жриц, вдохновлённый отравленными гримасами Тулуз-Лотрека и раскрашенным сладострастием Ван-Донгена...» Совет Императорской академии художеств постановил «не числить Григорьева в списках учеников» и не допустил его к участию в конкурсной выставке на звание художника, что в итоге не позволило ему получить диплом.

1914 — начавшаяся Первая мировая война никоим образом не отразилась на творческих планах Григорьева. Ему не было ещё и тридцати лет, но он уже признанный художник, свой человек в богемных кругах Петербурга-Петрограда. В кабаре «Бродячая собака» и позже в «Приюте комедиантов» он выступал с чтением собственных стихов, которые восхищали многих знатоков, был близок к театральным кругам. Стал одним из учредителей петербургской студии Мейерхольда на Бородинской улице и присутствовал почти на всех репетициях гениального режиссёра.

1915, май — у Григорьева родился сын Кирилл. Из портретов жены, созданных художником в этот год, хорошо известен ныне хранящийся в Русском музее под названием «Мать». Основное пространство холста занимает изображение кормящей младенца женщины в белом чепце, светлых одеждах, с обнаженной грудью. «Мой сын родился в мае 1915 года, и мы переехали на дачу в Куоккалу. Я кормила его, и Борис написал с меня Мадонну», — читаем в письме Е. Григорьевой А. Евреиновой.

1916 — написан удивительный двойной портрет Всеволода Эмильевича Мейерхольда — убивающего в красном и умирающего в чёрном.

Октябрь — поиски тайных агентов германского правительства, занимавшихся «шпионажем в пределах России», привели следствие к семье художника: Елизавета Георгиевна была арестована по делу генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова и два месяца провела в Петроградской женской тюрьме.

1917, декабрь — 1918, январь — февраль — Е. Г. Григорьева с полугодовалым сыном Кириллом живёт в Туле, куда была выслана. Борис Григорьев, призванный в армию простым солдатом («то есть его служба состояла в том, чтобы написать портрет Николая II»), ездил к важным генералам хлопотать за жену и добился её освобождения. Продолжал работу над одним из наиболее известных своих циклов «Расея», на это ушло несколько лет (1916—1919). Героями Бориса Григорьева стали простые крестьяне из российской глубинки, а не только постоянные посетители художественных салонов Петербурга-Петрограда. Работы цикла — «Деревня», «Земля народная», «Олонецкий дед», «Старуха с коровой», «Девочка с бидоном» — в стране, где забурили революционные процессы, были встречены с огромным интересом. Так, Александр Бенуа свидетельствовал, что на современников художник произвёл сложное впечатление, «многих охватил одновременно с восторгом от явной талантливости и род ужаса». Алексей Толстой, например, отмечал, что Россия Григорьева «не касалась ни романтической России Венецианова, ни героической Сурикова, ни лирической Левитана и Мусатова, ни православной Нестерова, ни купечко-ярмарочной — Кустодиева и Судейкина... Эту лыковую Русь и я и вы носите в себе; оттого так и волнуют полотна Бориса Григорьева, что через них глядишь в тёмную глубь себя, где на дне, не изжитая, глухая, спит эта лыковая тоска, эта морщина древней земли». Александр Блок называл Григорьева художником мыслящим, но мыслящим «глубоко и разрушительно». «Образы русских крестьян в интерпретации Григорьева, — констатировала Наталья Сиверина, — не нравились ни царским чиновникам, ни советским функционерам.

Князь Сергей Щербатов, художник, коллекционер и меценат, член совета Третьяковской галереи, считал, что григорьевские типажи оскорбительны для национального сознания. Мнения своего он не изменил и резко высказывался по поводу альбома «Лики России» в Америке в 1924 году, будучи уже в эмиграции. В Советской России альбом «Расея» просто запретили. Именно в это время, на вершине художнического и жизненного успеха, но в предчувствии трагических перемен, Борис Григорьев близко сошёлся с Евгением Ивановичем Замятым, вернувшимся в Россию из Англии, куда «был командирован в качестве инженера, для постройки заказанных русским правительством ледоколов». Дружба эта, а вернее, обнимание душами будет длиться двадцать лет — вплоть до смерти писателя в 1937 году.

1918 — вступил в 1-й Профессиональный союз художников Петрограда. Увлечённо готовил иллюстрации к «Графу Нулину» и «Дому в Коломне» А. С. Пушкина, «Опасному соседу» В. Л. Пушкина, сотрудничает с журналом «Пламя», редактором которого был Анатолий Васильевич Луначарский, оформляет город на Неве к первой годовщине Октября (эскизы декорации Английской набережной на темы поэзии Уолта Уитмена). Издал отдельным альбомом графический цикл «Интимность».

1919 — экспонирует «Землю народную» и другие полотна на Первой свободной выставке всех течений во Дворце искусств — бывшем Зимнем дворце.

Уезжает в Москву, где работает над декорациями и костюмами к постановке оперы «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова для Художественного театра (не осуществлена), преподаёт в Свободных художественных мастерских (бывшем Строгановском училище). Уехать пришлось после большого скандала: в Петрограде, в отделе изобразительных искусств Наркомпроса, Григорьев имел неосторожность высказаться против монополизации искусства государством. Художника обвинили в контрреволюционных взглядах. Спасла его делегация учеников Высшего художественного училища, куда он был приглашён на должность профессора. Как писал сам Григорьев, «положение ухудшилось настолько, что преступление было повсюду: во взглядах, в суррогате красок, в окружающем хаосе, в изношенной одежде, в поведении сторожей», а заработок имели только те, кто писал «отвратительно мерзко» плакаты. «Моя душа полна смутения, — делился он с В. Фёдоровым 14 сентября, — я совсем разболелся, еду куда-нибудь в деревню лечить нервы... сейчас я совершенно ненормален, потому что вокруг меня вся жизнь ненормальна».

Октябрь — возвращается в Петроград, откуда на лодке семья тайно перебирается в Финляндию. С финном-лодочником

Бориса Григорьева познакомил М. Горький. «В семь часов утра парус нашего судёнышка продырявили пули, — вспоминал впоследствии художник, — мы могли умереть, но судьбе было угодно доставить нас до Финляндии...» Временным приютом для Григорьевых становится Куоккала (с 1948 года — посёлок Репино). Так, после недолгого карантина, началась его эмигрантская жизнь.

1920 — художник с семьёй поселяется в Берлине. В этот же год в Берлине проходит его персональная выставка в Сецессионе, ещё одна — в Русском павильоне XII биеннале в Венеции.

1921 — Григорьевы оседают в Париже; американский искусствовед и коллекционер Кристиан Бринтон организует выставки художника во Франции, Италии, Латинской Америке, а с 1923 года — и в США. Григорьева называют «историком славянской души». Создаёт картину «Лики России», с которой не расстанется до конца жизни. Окончательно уходит от реальных типажей и населяет полотно почти иконописными образами, которые поражают гротескностью черт. С горечью записывает: «В дни революции, когда люди перестали наблюдать за собою, когда стали раскрываться на все сто сотых, бесстыдно обнажая всё человеческое, вплоть до звериного, я пытался разглядеть целый народ, найти его истоки... Это было страшно, но ненависть заставила меня всё же изображать... Кто не видал революции, тот и народа не увидел».

1922 — в Германии на русском и немецком языках выходит расширенное — в основном за счёт текстов О. Би, П. Баухана, А. Бенуа и самого Григорьева — издание «Расеи», куда вошли и новые живописные работы художника. Кроме того, была издана в оформлении и с иллюстрациями Григорьева книга стихов Саши Черного «Детский остров».

1923 — создаёт бретонский цикл картин в неоклассической манере, восходящей к традиции «малых голландцев». Это результат летних путешествий по северной французской глубинке — земле «друидов, прорицателей и судий, врачей-лечителей, изучавших движение планет и владевших искусством письма». Занился исследованием национальных и наднациональных черт в лицах людей. Например, «Бретонская рыбацкая с ребёнком» ассоциируется с изображением Мадонны с младенцем.

Весна — в Париже встретился с Сергеем Есениным, за семь сеансов написал один из лучших прижизненных портретов поэта. В письме Н. Н. Евреинову рассказывал: «Поэт был после выпитой бутылки коньяку, сонный и весь насквозь несчастный; ну а на моём холсте он — бодрый крестьянский парень, в красной рубахе, с пучком стихов за пазухой и как раз загорелый и здоровый. Ни б.д..ва, ни бледной немочи, ни пьяных глаз, ни тени злости и отчаяния; всё это было на

нём лишь “дунканизм” его случайной Айседуры». И конечно, ценно такое вот григорьевское воспоминание из «Моей встречи с Сергеем Есениным»: «Для меня был не важен его чисто внешний вид, я желал написать С. А. Есенина таким, каким я его чувствовал, и не таким, каким был он предомной, в натуре... Через неделю портрет был готов. Я написал Есенина — хлебным, ржаным. Как спелый колос под истомлённым поздним летним небом, в котором где-то уже заломила свои руки жуткая гроза... Волосы я С. А. Есенину написал цвета светлой соломы, такие они у него и на самом деле были. В С. А. Есенине я видел так много, до избытка, от иконы старорусской — так и писал. Особая дерзость отмечена в прожигающей, слегка от павшего ангела, улыбке, что сгибала веки его голубых, васильковых глаз. Во время сеансов Сергей Александрович много говорил, читал стихи».

1924 — рождается ещё один цикл работ — «Буи-Буи». На этот раз место действия — юг Франции: портовые кабаки, пьяный угар, «жуткое очарование» порока и безысходности.

1925 — в Москве, в Третьяковской галерее, проходит выставка «Женщина в русской живописи». Среди выставленных картин есть и работы Бориса Дмитриевича Григорьева. Участие в выставке художника, сбежавшего в 1919 году из Советской России, стало возможным благодаря протекции М. Горького.

1926 — сбылась давняя мечта Бориса Григорьева — он получил согласие на написание портрета Максима Горького и отправился в Италию, остановился в «двух шагах от Горького», на вилле Позиллипо. Январь и февраль писатель позировал Григорьеву по два с половиной часа в день; сеансы сопровождались интереснейшим общением, художник фиксировал свои мысли по этому поводу: «...Он знает так много, так глубоко чувствует, так тонко понимает. Моя любовь к нему приближается к истерии». Видимо, оттого Горький и предстаёт в образе кукловода — в окружении персонажей пьесы «На дне». И это при том, что мэтр позировал художнику на вилле, расположенной на Соррентинском мысу, где ничто не напоминало ночлежку. Горького, как известно, на протяжении его жизни писали почти пятьдесят раз. Этот же свой портрет писатель считал удачным и говорил: «Впервые чувствую себя на холсте». А ещё на совместной фотографии оставил автограф: «Борису Григорьеву, преклоняюсь перед его талантом. М. Горький».

1927 — Григорьев купил участок земли в городке Кань-сюр-Мер (Прованс), где в своё время жили О. Ренуар, А. Модильяни, Х. Сутин, и начал строить Villa Borisella. Название виллы образовано от имён художника и его жены — Елизаветы (Эллы) Георгиевны.

1928 — Григорьев принимает приглашение правительства Чили, предложившего ему профессорскую должность в Академии

художеств. Был заключён контракт на три года, семья на пароходе отправилась в неизведанную страну. Прибыв в Сантьяго, Борис Дмитриевич устроил в Академии настоящую революцию: запретил копировать, разогнал натурщиков, отправлял ректора на рынок покупать овощи и рыбу для натюрмортов. Григорьев дал всего тридцать семь уроков: смена политического режима в стране оборвала прежние договоренности, вынудив художника напряжённо работать и выставляться.

Досрочно разорвав контракт в Чили, Борис Григорьев отправился с женой и сыном в путешествие по Аргентине, Бразилии, Эквадору и Уругваю. Провёл персональные выставки в Вальпараисо, Сантьяго, Буэнос-Айресе и Монтевидео.

1929 — собрав воедино ряд рисунков и портретов, создал большую композицию «Лики мира» пяти метров длиной, исполненной на семи складных створках. В 1930 году картину показывали на Осеннем салоне в Париже, и, несмотря на скромный успех, позже её приобрела Пражская национальная галерея.

1930 — начал преподавать в Париже в Русской академии, организованной Т. Л. Сухотиной-Толстой, затем открыл школу живописи и рисунка на своей вилле в Кань-сюр-Мер (Прованс). В 1930-е годы художник занимался в основном книжной графикой. Заслуживают восхищение циклы его рисунков к «Детству» М. Горького, «Братьям Карамазовым» Ф. Достоевского (создавались на протяжении шестнадцати лет для издательского проекта в Америке, но альбом не вышел из-за наступления Великой депрессии), а также к программному полотну «Ревизор». Работа вдохновлена спектаклем пражской труппы МХТ под руководством Михаила Чехова, которая в 1935 году переехала в США. И как же права Наталья Сиверина, написавшая: «Гротескные лица персонажей комедии Н. Гоголя во главе с Городничим, показывающим миру кулак, являют собой образ страны, в которую Григорьеву не довелось вернуться». Теперь же, весной 1930 года, Париж увидел потрясающую выставку ярких, колоритных работ, созданных Григорьевым после путешествия по Латинской Америке.

1931, декабрь — «возвращается» в Россию в своих воспоминаниях, названных «Моя жизнь», в которых описывает Москву и Волгу, Санкт-Петербург и Север, те места, которые помнил и покинул. Пятисотстраничные воспоминания «Моя жизнь» до сих пор не опубликованы и находятся в частной коллекции.

1932 — во Францию прибыл (с советским паспортом на один год, но так впоследствии и не вернулся в СССР) писатель Е. И. Замятин. Первые месяцы он жил в квартире Григорьева, а летом на его вилле, и друзья могли много и откровенно обо всём говорить. Борис Дмитриевич окончательно по-

нял, что его Расеи уже нет и надежды на возвращение бессмысленны. Всего было предпринято несколько попыток вернуться на родину, о желании вернуться Григорьев писал, в 1922—1924 годах через Владимира Маяковского передавая просьбы к А. В. Луначарскому.

1933 — вошёл в Союз деятелей русского искусства во Франции, жертвовал картины в пользу русских учащихся за границей. Передал несколько работ в Русский культурно-исторический музей в Праге. Закончил работу над своим *magnum opus* — поэмой «Расея», в марте 1934 года она была опубликована в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

1935 — стал деканом факультета в Академии прикладных искусств в Нью-Йорке. Рисовал для журнала «Harper's Bazaar» и для рекламы. В 1930-е годы у Григорьева состоялись персональные выставки в Париже, Бордо, Милане, Венеции, Антверпене, Праге (в 1926 и 1932 годах выставки в Праге помогал организовать историк искусства Н. А. Еленев), Нью-Йорке, Чикаго.

1936 — вновь отправился в поездку по странам Латинской Америки: посетил Кубу, Чили, Бразилию, Колумбию, Эквадор и Перу. Все эти страны на его картинах — фантастические и по-детски светлые, даже наивные. Американская публика новые работы восприняла холодно, принесла художнику большое разочарование.

1937, март — в Париже от продолжительной болезни сердца умер близкий друг Григорьева писатель и драматург, автор знаменитого романа-антиутопии «Мы» Евгений Иванович Замятин.

1938, октябрь — дух и здоровье подорваны: Борис Григорьев лёг в клинику, где был прооперирован. Лучшие врачи, лучшая клиника Ниццы. Но рак желудка прогрессировал. Незадолго до смерти художник закончил последний автопортрет, как бы поставив точку в замечательной серии портретов российской интеллигенции. «Для нас, художников, Россия — ещё полная тайна, Россия — чудо, Россия — мать», — запишет Борис Дмитриевич незадолго до смерти.

1939, 7 февраля — художник умер на Villa Borisella в Кань-сюр-Мер. Похоронен на католическом кладбище. В последний путь его провожали всего семь человек. В годовщину смерти друга Александр Бенуа писал: «Он чувствовал, что эта простая жизнь — истинная или единственная атмосфера, в которой художнику живётся привольно, ныне насквозь отравлена, и каждый глоток такого воздуха есть смертельный парализующий яд».

До начала Второй мировой войны оставалось чуть более полугода.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Мартиролог Бориса-мученика</i>	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
«Я весь ваш, я русский и люблю Россию...»	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
«Я гордость ваша — Борис Григорьев!»	64
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
«Со мной что-то случилось...»	129
<i>Приложение</i>	
ГРИГОРЬЕВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ	157
<i>Евгений Замятин. Борис Григорьев</i>	157
<i>Алексей Толстой. Россия Григорьева</i>	158
<i>Всеволод Дмитриев. Ключ к Борису Григорьеву</i>	161
<i>Всеволод Воинов. Новый этап реализма</i>	171
<i>Николай Рерих. Из книги «Листы дневника»</i>	180
<i>Сергей Маковский. Из книги «Силуэты русских художников» (фрагмент)</i>	181
<i>Николай Радлов. О Борисе Григорьеве и его рисунках</i>	182
<i>Николай Мишеев. Из журнала «Перезвоны»</i>	191
<i>Александр Бенуа. Памяти Бориса Григорьева (фрагмент)</i>	204
<i>Валентин Булгаков. Из книги «Встречи с художниками»</i>	206
<i>Марк Вейнбаум. Из книги на «На разные темы»</i>	211
Основные даты жизни и творчества Б. Д. Григорьева	216
Комментарии	225

Лепешенко А. А.
Л48 Борис Григорьев: Русский и ничей / Александр Лепешенко. — М.: Молодая гвардия, 2026. — 255[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 2105).

ISBN 978-5-235-04923-9

Настоящая книга — это очень резко очерченная даль жизни художника Бориса Дмитриевича Григорьева (1886—1939), «одного из тех блистательных людей Серебряного века, разносторонне одаренных, глубоко чувствующих и сострадающих, чей творческий мир продолжает нас волновать и по прошествии десятилетий». Так что же мы знаем о Григорьеве? «Его живопись и графика, даже то сравнительно немногое, что хранится в отечественных музеях и частных коллекциях, поражает особым, “варварским”, по выражению П. Н. Милюкова, стилем, в котором реализм соединился с самым смелым новаторством». Особенность художника в том, что он предоставляет «зрителю своим творческим воображением восполнить недостающее между веками».

УДК 75.03(092)(47)
ББК 85.143(2=411.2)6-8

знак информационной
продукции

16+

Лепешенко Александр Анатольевич

БОРИС ГРИГОРЬЕВ

Русский и ничей

Редактор **Е. В. Смирнова**

Художественный редактор **К. В. Забусик**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректор **Г. Е. Сафронова**

Сдано в набор 28.01.2026. Подписано в печать 11.02.2026. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 13,44+0,84 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суховская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-04923-9